

DOI: <https://doi.org/10.32839/2304-5809/2020-10-86-68>

УДК 7.03:7.001.12

Филиппова О.Н.

Политехнический музей (г. Москва)

РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ТВОРЧЕСТВЕ Т.А. МАВРИНОЙ (1900–1996)

Аннотация. Татьяна Алексеевна Маврина (1900–1996) от природы была щедро одарена не только способностями к изобразительному искусству, но, прежде всего, любовью и интересом к жизни, понимаемой, как великое благо и великое счастье. Это чувство окрасило в столь неповторимые цвета творчество художника, определило ее увлечения и позволило найти собственную, всегда, узнаваемую живописную «мавринскую» манеру. Среди станковых произведений можно выделить натюрморты и пейзажи, изображения старинных русских городов и портреты. Книжная графика включает многочисленные иллюстрации к русским народным сказкам и пользовавшееся большим успехом оформление сказок А.С. Пушкина. Подобно многим другим крупным мастерам XX века Т.А. Маврина рано почувствовала потребность в глубоком изучении русского народного искусства. Детские впечатления, казалось бы, забытые, ожили через много лет и, подкрепленные деятельным собирательством произведений народного творчества, помогли Т.А. Мавриной сохранить в своем искусстве самобытность и оригинальность.

Ключевые слова: творчество Т.А. Мавриной, домашний театр, живопись, художественный кружок, масло, гуашь, акварель, объединение художников-графиков, быстрый легкий рисунок-набросок, серия, книга-альбом, натюрморты, выставки.

Filippova Olga

Polytechnic Museum (Moscow)

RUSSIAN PROVINCE IN THE CREATIVE WORK OF T.A. MAVRINA (1900–1996)

Summary. Tatyana Alekseyevna Mavrina (1900–1996) was by nature generously endowed not only with the ability to fine art, but, above all, with love and interest in life, understood as a great good and great happiness. This feeling colored the artist's work in such unique colors, determined her Hobbies and allowed her to find her own, always recognizable painting "Mavrin" style. Among the easel works of the master's extensive creative heritage, one can distinguish still-lives and landscapes, images of ancient Russian cities and portraits. The book graphics include numerous illustrations to Russian folk tales and the highly successful design of Pushkin's fairy tales. Like many other major masters of the XX century, T.A. Mavrina early felt the need for a deep study of Russian folk art. Children's impressions, seemingly forgotten, came to life after many years and, supported by an active collection of folk art, helped T.A. Mavrina to preserve her identity and originality in her art. The originality of the artist's creative handwriting was formed gradually, and it was not immediately found their own pictorial and plastic language, based on a deep knowledge of the laws of decorative folk art, understanding, national identity and beauty, enclosed in large and small forms, from the old monastery walls to a painted spoon or button. T.A. Mavrina perfectly mastered the techniques that distinguish the folk primitive – expressive decorativeness, flatness, brightness and juiciness of local color. Such were her splints, spinning wheels, and trays. A professional artist has mastered the secrets of artisanal craftsmen not for imitation, not for rough and vulgar forgery, but for creating his own colorful and joyful world. The tradition of her works is organic and natural and can be considered as an example of an extremely subtle and deep understanding of the peculiarities of national visual culture. In the early 1940-ies, T.A. Mavrina turned to a new motif – a complex architectural landscape, which was followed by a change in the method of work – not from nature, but from memory. The first were images of ancient monuments of Zagorsk (Sergiev Posad) and Moscow. After Sergiev Posad (Zagorsk), the first of the old Russian towns that T.A. Mavrina loved, many others followed. In the post-war decades, a series of drawings, watercolors and gouaches appeared dedicated to Suzdal and Zvenigorod, Rostov the Great and Vologda, Dmitrov and Kasimov, Uglich and Borisoglebsk. T.A. Mavrina was in a hurry to stop the beauty of the moment, sought, in her words, to portray "life itself", as it flows and will flow without a trace if it is not drawn".

Keywords: the creative work of T.A. Mavrina, home theater, painting, art circle, oil, gouache, watercolor, Association of graphic artists, quick easy drawing-sketch, series, book-album, still-lives, exhibitions.

Постановка проблемы. Русская провинция – это отдельная и самостоятельная тема в искусстве художника. Бывшие советские районные центры, «райгорода», сохранившие особенности традиционного быта и своеобразие жизни, непосредственно, связанной со старым укладом, до сих пор привлекают живописцев и графиков [10, с. 4]. Т.А. Маврина увлеклась маленькими городками в конце 1940-х годов и в течение многих лет объездила десятки мест, тесно связанных с русской историей. Подмосковье, Поволжье, Север и Предуралье было не только картой путешествий, эти поездки позволили обрести истинный масштаб представления о России.

Анализ последних исследований и публикаций. О художнице проникновенно писали художник И.Э. Грабарь и русский писатель Е.Я. Дорош, а также ее хорошая знакомая, искусствовед – Н.А. Дмитриева (1917–2003) [3; 4; 5; 6; 7; 9; 11; 14]. К искусствоведческой литературе сама художница обращалась не часто, но, читала много исследований о русском народном искусстве, о древнерусской живописи, о фольклоре, о сказках, пословицах, заговорах; т.е., по ее словам, «занималась изучением своей национальности» [12, с. 6]. А, также она вела с 1930-х годов дневниковые записи, причем в некоторые годы – весьма кратко, а в последние десятилетия – поч-

ти ежедневно, с массой бытовых подробностей. С течением времени изменялись и форма, и характер этих дневников. Деловые записи, финансовые пометки, путевые «отчеты» о поездках чередуются в них с описаниями повседневной жизни, иногда очень откровенными, иногда – ироничными, или с наблюдениями природы во время прогулок... [12, с. 5].

Отдельно художница записывала «для памяти и прочтения» мысли об искусстве, впечатления о выставках, делала множество выписок из прочитанной литературы, а круг ее чтения был чрезвычайно широк и разнообразен – литературные новинки, мемуары, материалы по истории и др. [12, с. 6]. Искусствоведческие этюды Т.А. Мавриной были включены в книгу: «Маврина Т.А. Цвет ликующий: Дневники. Этюды об искусстве» (М., 2006) [12]. Они говорили о том, что живописец, график, иллюстратор книг, она обладала еще и незаурядным литературным даром. Вместе с дневниковыми записями они дают читателю уникальную возможность проникнуть во внутренний мир художницы, составить представление о своеобразии ее творческой натуры. Цель данной публикации, на основе библиографических источников, раскрыть творчество Т.А. Мавриной, проанализировать ее работы.

Внешне биография мастера вполне обычна. Родилась Татьяна Алексеевна Лебедева (по матери у нее была фамилия Маврина, она ее взяла, когда начала участвовать в выставках с 1928 года) в 1900 году в старинном городе Нижнем Новгороде. Там, в интеллигентной семье педагога, земского деятеля Алексея Ивановича Лебедева она легко провела свое детство и юность. В семье было четверо детей – Екатерина, Татьяна, Елена и Сергей, будущий академик, основоположник

отечественной кибернетики, создатель первой советской ЭВМ. Увлечением, любимым занятием детей Лебедевых был домашний театр. Сделался ящик с занавеской из платка – он раздвигался, как занавес. В ящик вставлялись, разрисованные Таней и Катей листы. Сергей неторопливо, с выражением читал стихи А.С. Пушкина о царе Салтане, а девочки почти на каждую строчку меняли картинку. Зрителями обычно были мать и кухарка, а иногда и отец, его гости. Уже в Нижнем Новгороде она заочно, по репродукциям в журналах, полюбила живописца В.М. Васнецова, М.А. Врубеля, посещала художественный кружок и, очевидно, не мыслила для себя другой будущности. В 1921 году Т.А. Маврина переехала в Москву и поступила на живописный факультет ВХУТЕМАСа. Высшие художественно-технические мастерские (ВХУТЕМАС) располагались в те годы в доме Юшкова на Мясницкой улице. Сейчас здание отреставрировано и передано Всероссийской академии живописи, ваяния и зодчества. «Первые годы во ВХУТЕМАСе еще не очень пленяли, – вспоминала Татьяна Алексеевна. – Но, вскоре все сменилось безоглядным увлечением живописью. Я забыла и А.А. Блока, и Н.С. Гумилева... Все променяла на фантастический вуз ВХУТЕМАС – где преподаватели ничему не учили, а говорили: «Пишите, а там видно будет». А, писать было так интересно, что, придя домой, мысленно говорила: «Скорее бы наступило завтра, можно будет пойти в мастерскую и писать, начатое вчера...» [15, с. 12].

Так, началась ее жизнь в искусстве, продолжавшаяся семьдесят пять лет. Татьяна Алексеевна не сразу стала художницей сказок и «чудо-городов», какой ее все знают [7, с. 5]. Ученица Р.Р. Фалька (1886–1958), она была, по ее словам, воспитана на «французах» [7, с. 5]. В 1920-е и в 1930-е годы много писала маслом. Ей особенно удавались этюды обнаженной натуры, так называемые «ню»: написанные тонко и артистично, в сияющих перламутровых тонах, они могут напомнить о П.О. Ренуаре (1841–1919), или о П. Боннаре (1867–1947) [7, с. 5] (илл. 1).

Вообще же, жанр «ню» – это обнаженная женская натура – один из самых древних в изобразительном искусстве. В 1930-е годы эта тема давала Т.А. Мавриной возможность не изменить самой сути живописи, а «дотянуться» в своих работах через импрессионистов до любимого тогда ею Тициана (1488–1576).

Неслучайно, что в те времена любимой картиной Т.А. Мавриной была «Венера перед зеркалом» (ок. 1555) Тициана [7, с. 5]. Постепенно она стала предпочитать в своем творчестве масло – гуашь и акварель. По ее же словам: «Мне было просто физически тяжело возиться с холстами и мольбертами» [6, с. 11]. А, возможно, причина была и в том, что эта довольно медлительная и кропотливая техника не соответствовала ее нетерпеливому художественному темпераменту, побуждавшему работать быстро – успеть многое схватить на лету! Последняя живописная работа на холсте масляными красками была написана летом 1942 года в саду Дома Красной Армии и изображала танцы на веранде клуба (она так и называлась: «Танцы на веранде клуба», или «Танцплощадка в ПКО») [14, с. 8].

Илл. 1. Т.А. Маврина. «Подражание Ренуару». 1938 г. Холст, масло, 66,0 × 64,0 см // Художники мира по странам. Картины и другие работы художников: [сайт]. – URL: https://yavarda.ru/pic_35666.html (дата обращения: 24.10.2020)

То, что началось после этой картины, Т.А. Маврина называла своей новой жизнью. В 1929 году возникло объединение художников-графиков: Группа «13», куда Т.А. Маврина и вошла [7, с. 5]. Ее участников связывала общая любовь к быстрому легкому рисунку-наброску, сохраняющему живость непосредственного впечатления. Объединение просуществовало недолго, но оставило хорошую память по себе и заметный след в искусстве. В Группу «13» входил и Николай Васильевич Кузьмин (1890–1987), замечательный график, знаток литературы, вскоре, получивший широкую известность, как иллюстратор А.С. Пушкина [7, с. 5]. Он стал спутником жизни Т.А. Мавриной. Их долготелее супружество было на редкость гармоничным, хотя каждый шел в искусстве своим путем, не навязывая его другому. Начиная с военных лет, когда у людей обострилось чувство родины и усилился

интерес к национальной истории, Т.А. Маврина стала работать с 1941 года над серией «Русские города, архитектурные памятники и пейзажи», и в этом жанре нашла свое истинное призвание [7, с. 5]. Одна из книг-альбомов этой серии, изданная в 1980 году, называется «Пути-дороги», поскольку вначале появились акварели и гуаши Т.А. Мавриной, написанные в Загорске [7, с. 5] (илл. 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9).

«По воле счастливой судьбы в 1941 году, писала она в 1967 году, – когда мы лето жили в Загорске, я как бы встретила со своим детством – с городской живописью; второй раз влюбилась в ее праздничную нарядность и поняла своей нижегородской памятью, как можно по-иному не по-вхутемасовски, смотреть на все кругом веселыми глазами заволжских кустарей; изображать не натюрморты, а жизнь саму по себе, как она течет и утечет бесследно, если ее не зарисовывать» [1, с. 58].

Илл. 2. Т.А. Маврина. «Истра. Синяя вода». 1970 г. Бумага, акварель, гуашь, 38,5 × 52,0 см // Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 42

Илл. 3. Т.А. Маврина. «Ворона на дереве» / Из альбома «Снег». 1983–1984 гг. Бумага, гуашь, 16,0 × 22,0 см // Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 48

Илл. 4. Т.А. Маврина. «Березы» / Из альбома «Снег». 1983–1984 гг. Бумага, гуашь, 15,0 × 21,0 см // Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 49

Илл. 5. Т.А. Маврина. «Зима». 1985 г. Бумага, гуашь, 15,5 × 17,5 см // Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 51

За маленьким подмосковным городом последовали Коломна, Переяславль-Залесский, Кимры, Ферапонтов монастырь, Звенигород, Торжок, Новгород, Ростов Ярославский, Борисоглеб, Владимир, Суздаль, Боровск и многие другие, далекие и близкие, большие и малые города и городишки, деревеньки и села, куда Т.А. Маврина отправлялась, чтобы увидеть вечное и столь быстротечное движение жизни. Она любила и хорошо понимала эти древние русские города, по которым она много путешествовала и где подолгу любила жить. Т.А. Маврина писала пейзажи, рисовала церкви и колокольни, каменные соборы и монастыри, характерные портреты стариков и старух.

Она смотрела на русскую сказку, увековеченную в стенах храмов безымянными архи-

текторами, скульпторами и живописцами, а потом возвращалась в Москву. Примерно тогда же Т.А. Маврина заново открывала для себя цветистый мир народного творчества, изделия народных мастеров из дерева и глины, старинный русский костюм, что еще сохранился в деревнях. Она собирала разукрашенную утварь, изучала тонкую роспись, узоры, вышивку. В них она видела ту же озорную и мудрую народную творческую мысль, что и в сказке. После войны художница вновь открыла для себя мир народного творчества. Она не только любила и собирала иконы, глиняные игрушки, подносы и вышивки – со своим мужем, художником Н.В. Кузьминым, она со-

Илл. 6. Т.А. Маврина. «Деревья в снегу». 1985 г.
Бумага, гуашь, 20,0 × 22,0 см //
Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 52

Илл. 7. Т.А. Маврина. «Розовые крыши» / Из альбома «Дивный день» 23 апреля 1988 года.
Бумага, гуашь, 17,0 × 21,0 см //
Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 54

Илл. 8. Т.А. Маврина. «Пятничное шоссе» / Из альбома «Дивный день» 23 апреля 1988 года.
Бумага, гуашь, 21,0 × 22,0 см //
Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 55

Илл. 9. Т.А. Маврина. «Туман» / Из альбома «Дивный день» 23 апреля 1988 года. Бумага, гуашь, 17,0 × 22,0 см // Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 56

брала великолепную коллекцию – Т.А. Маврина сама делала копии лубков и прялок, расписывала туески, старинной формы подносы и бутылки, вживалась в образ народного мастера. Это был гениальный ход, он давал ей возможность отойти от принципа социалистического реализма с его иллюстративным бытописанием в единственно, дозволенном тогда направлении – в сторону русского народного искусства.

Французский художник и скульптор, лидер течения фовистов – Анри Матисс (1869–1954) через увлечение народным искусством обрел свой стиль, а Т.А. Маврина, отталкиваясь от Анри Матисса, превращает себя в народного мастера, создав собственный, «мавринский» почерк – декоративный, лихой, основанный на принципах народного примитива [14, с. 9]. Для творчества художницы были необходимы натурные впечатления. В 1950–1960-е годы она предпринимала многочисленные поездки по русским городам, делала зарисовки и эскизы. Она так натренировала свою память, свой глаз, что дома легко могла воспроизвести многоцветие природы по торопливым наброскам, сделанным с натуры. Если сравнить серии 1940-х годов с сериями 1950-х, а затем 1960–1970-х годов, заметна эволюция стиля. Так, например, в альбоме: «Загорск» ранние и более поздние листы даны попеременно и прекрасно совмещаются, но все же их не спутаешь – они исполнены в разной манере [6, с. 11].

Те, что сделаны в 1940-е годы, более «видовые», построенные с соблюдением перспективы и масштабов [6, с. 11]. Вместе с тем они очень воздушные, эскизно-легкие. Хотя они выполнены в смешанной технике, больше всего ощущается акварель – ее прозрачность, нежные расплывы на влажной бумаге. По колориту эти работы скорее мягки, чем энергичны, в переходах опаловых, сизых, розовых оттенков. Брать цвет «в полную силу» художница еще не решает, – хотя в ту пору она уже познакомилась с городецкой росписью на донцах прялок и, по ее словам, «была очарована совсем другой, не ведомой мне техникой, совсем другим способом «крашения», дающим большой звук» [6, с. 11]. Лишь, постепенно, «большой звук» входит в ее собственную живопись, превращая листы в «самоцветы» (как назвал их И.Э. Грабарь), в подобию маленьких витражей [6, с. 11]. Изменяется и способ компоновки – появляется тяготение к сближению планов, к объединению их в одно узорное целое. В книге «Загорск» (Л., 1968) Т.А. Маврина пишет о Загорской Лавре, «каменном саде с золотыми яблоками»: «Небольшое пространство, в котором растут эти «яркие цветы», иногда хочется, вспоминая архитектурное нагромождение на миниатюрах эпохи Грозного, еще больше сузить, сплести все еще теснее, чтобы получилось действительно «дом на дом, дом верхом», как мы бывало распевали в детстве на нижегородских откосах» [6, с. 11].

Тенденция – «сузить, сплести», сгрудить планы пейзажа, все явственнее проступает не только в изображениях Лавры, но и вообще в поздних листах [6, с. 11]. Это делается не в ущерб чувству пространства, но пространственные эмоции теперь выражаются иначе – не столько тра-

диционными средствами линейной и воздушной перспективы, сколько направлением «волевых линий», круто, поднимающихся, ниспадающих, обрывающихся, волнистых [6, с. 11]. Они дают почувствовать подъем в гору, спуск, убегание вдаль, покачивание на холмах. Композиция узорно располагается на плоскости, но само соотношение цветных масс и акцентирующих линий рассказывает о динамике пространства – об извилистости дорог, росте деревьев, полете птицы, течении ручья. И о движении путника, следящего дальше и дальше, вбирающего взглядом, что встречается на пути. Не только общую панораму, а и всякие интересные подробности – характерные, колоритные, занятные, забавные, иногда фантастичные, где-то на грани сказочности. «Свободное» обращение с пространством позволяет выделить, заинтересовавшую деталь, сделать ее заметной, укрупнить, или даже превратить в центр композиции [6, с. 12]. Если внимание привлечла, взлетающая птица – то вот эта птица выросла в размерах и занимает почти полнеба, прочерчивая его зигзагом.

Повстречался дом с затейливыми наличниками или фигурный флюгер; прошла мимо девочка в венке из одуванчиков на черной головке; проскакал мальчишка верхом на рыжей лошадке; проехала свадебная машина, разукрашенная лентами и шарами, – и это, промелькнувшее и исчезнувшее, выходит на первый план, задавая тон остальному. Деталю, выхваченной из потока жизни, как облюбленным цветам из букета, труднее находилось место в ранних сериях, где господствовал «общий вид» [6, с. 12].

Тем более там не могли бы появиться, выведенные наружу «музейные экспонаты» [6, с. 12]. А в 1960-е и в 1970-е годы, когда художественная манера Т.А. Мавриной обогащается опытом народных примитивов, переработанных в ее индивидуальном ключе, – тогда птицы с рельефов собора непринужденно соседствуют с настоящими птицами, всадник городецких донец гарцует на площади современного Городца и фантастический Китоврас царит над Александровской слободой. Работы 1950-х годов занимают промежуточное положение: в них сохраняется что-то от прежней мягкой живописности и натуральности, но уже ищется необычный угол зрения, происходят сдвиги и сжатия пространства, разгорается цвет, появляется экспрессия деталей. Сказочные образы еще не осмеливаются прямо вмешиваться в современный быт, но, как бы притаились, где-то поблизости: нечто от них чудится в стариках и старушках, сидящих на завалянке, и в гусях, и в конях, и, конечно, в расписных куполах.

Может быть, многим, любящим искусство Т.А. Мавриной, эти ее работы, обладающие лукавым очарованием, недопроявленной сказочности, волшебством без волшебства, особенно нравятся и предпочитают более поздним, но это уже дело вкуса. Во всяком случае, именно в 1960–1970-е годы Т.А. Маврина достигла той творческой раскованности, той скоординированности – до полного слияния – работы мысли, глаза и руки, при которой рассудочная часть труда художника сводится до минимума, и работа протекает, как бы в ритме дыхания. Тут мо-

Илл. 10. Т.А. Маврина. «Гладиолус». 1995 г.
Бумага, акварель, гуашь, 51,0 × 38,0 см //
Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и
повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение,
остановленное цветом: Графика. Живопись:
[альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 98

Илл. 11. Т.А. Маврина. «Розы и пионы». 1994 г.
Бумага, акварель, гуашь, 51,0 × 38,0 см //
Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и
повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение,
остановленное цветом: Графика. Живопись:
[альбом]. – Москва, 1997. – Ил. 101

жет что-то получаться лучше, что-то хуже, но всегда органично для художника. В последнее десятилетие своей жизни, в конце 1980-х годов, Татьяна Алексеевна почти не покидала своего дома. Мир замкнулся в стенах малогабаритной квартиры, оклеенных любимой Т.А. Мавриной золотой и серебряной бумагой. Те, кому довелось попасть к ней в дом, бывали изумлены той невероятной внутренней силой, которая исходила от сухонькой девяностолетней женщины. Эта воля к жизни, казалось, защищала ее от старческой немощи – она видела практически без очков, была в ясном уме, и, если и забывала, что-то, никогда нельзя было сказать наверняка – забывчивость это, или лукавство.

Вопреки болезням и недугам, Т.А. Маврина отдавалась своей страсти – живописи – и писала натюрморты так, будто бы вмещала в них неизбыточную силу своей неистовой природы. Ее два окна – из одного была видна береза, из другого – дерево и гараж – стали ее Вселенной, сквозь них она наблюдала смену освещения, чередование времен года, вращение светил. Художница просила приносить ей цветы и, получив в подарок букет, уже не скрывала своего желания поскорее выпроводить гостя и приняться за работу. Так, возникли нарциссы на фоне розовых берез, тюльпаны на заснеженном окне, красавец розовый гладиолус среди голубого лета (илл. 10).

Казалось бы, что может быть проще изображения обычного букета на подоконнике? Однако, работы эти столь пластически убедительны, несут столь мощный энергетический заряд, что позднее творчество Т.А. Мавриной с полным правом можно поставить в один ряд с полотнами Рауля Дюфи и Анри Матисса. А одни из ее последних натюрмортов: «Розы и пионы» (1994) и «Розы ночью» (1995) – винно-красные цветы на фоне иконы и синего неба с сияющим созвездием Ориона – можно назвать трагическим реквиемом перед неизбежным уходом в небытие художницы, удостоенной звания заслуженного художника РСФСР, имевшей награды и премии, в т.ч. Государственную премию СССР [14, с. 10] (илл. 11, 12).

И все же словно бы, незримая стена отделяла ее от официального советского искусства. Эту ее «инаковость» чувствовали все – от главных художников государственных издательств, с большой неохотой, подписывавших мавринские книги в печать, до оргкомитета международной премии имени Г.-Х. Андерсена, выбравшего Т.А. Маврину – практически, единственную из советских художников детской книги – в качестве лауреата этой престижной премии в области книжной графики [14, с. 7]. Вспоминается персональная выставка Т.А. Мавриной 1972 года в Государственной Третьяковской галерее – она была расположена в нижних залах, а наверху в это же время выставлялись акварели М.З. Шагала (1887–1985). И, право же, работы Т.А. Мав-

риной достойно выдерживали сравнение с работами М.З. Шагала – признанного чародея цвета. Хотя по стилю и настроению они, конечно же, совсем другие. Собранные вместе, они оставили впечатление веселого сада в цвету. В марте-апреле 1997 года в Музее личных коллекций ГМИИ имени А.С. Пушкина была организована выставка работ Т.А. Мавриной. Цель выставки – это расширить привычное представление о Т.А. Мавриной, как иллюстраторе детских книг, показать другие грани ее творчества.

В экспозицию вошли произведения 1930–1940-х годов и работы двух последних десятилетий – в основном пейзажи и натюрморты. Выставка вызвала живой интерес и привлекла многих зрителей.

Таким образом, Т.А. Маврина прожила долгую жизнь, и более семи десятилетий не прекращала работать. Современники вспоминали ее веселый нрав и улыбку, с которой она начинала любое дело. Ее трудолюбие восхищало окружающих, но сама Т.А. Маврина никогда не понимала этого восхищения: рисовать, заниматься живописью для нее было так же естественно и необходимо, как и дышать. Государственному Русскому музею принадлежит большая коллекция живописных и графических произведений Т.А. Мавриной. Особенное значение имеет щедрый дар, сделанный художником незадолго до кончины в 1996 году. Т.А. Маврина передала в музей не только собственные работы, прежде всего, сброшюрованные ею альбомы с рисунками, но и замечательные произведения древнерусского и народного искусства из своего собрания – иконы XVI–XIX веков, мелкую пластику, расписные прялки XIX века.

Илл. 12. Т.А. Маврина. «Розы ночью». 1995 г.

Бумага, акварель, гуашь, 51,0 × 38,0 см //

Pinterest: [сайт]. –

URL: <https://www.pinterest.ru/pin/435160382744117414/> (дата обращения: 24.10.2020)

Список литературы:

1. Ганкина Э.З. Художник в современной детской книге: очерки. – Москва: Советский художник, 1977. – С. 128, 184, 258, 262, 263.
2. Городецкая живопись: [альбом] / [текст, подбор ил., макет и оформление Т.А. Мавриной]. – Ленинград: Аврора, 1970. – 139 с.: ил.
3. Грабарь И.Э. Вместо предисловия // Маврина Т.А. Загорск / Рис. и акварели [и отрывки из дневника. 1944–1965 гг.] Т.А. Мавриной. – Ленинград: Художник РСФСР, 1968. – С. 5–6.
4. Дмитриева Н.А. Искусство Татьяны Мавриной // Декоративное искусство СССР. – 1973. – № 7. – С. 39–41.
5. Дмитриева Н.А. Татьяна Маврина // Татьяна Маврина. Графика. Живопись. – М.: Искусство, 1981. – С. 5–18.
6. Дмитриева Н.А. Татьяна Маврина: графика, живопись: [альбом]. – Москва: Советский художник, 1981. – 126: ил. – (Мастера советского искусства).
7. Дмитриева Н.А. Слово о Мавриной // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом / автор-составитель А.Ю. Чудецкая; вступительное слово Н.А. Дмитриева]. – Москва: Интербук-бизнес, 1997. – С. 5–6.
8. Еремина И. Художник – улыбка // Библиополе. – 2013. – № 2. – С. 74–79: ил.
9. Каталог выставки живописи и графики Т.А. Мавриной / Союз художников СССР, Оргкомитет Союза художников РСФСР, Московское отделение Союза художников; [вст. ст. И.Э. Грабаря, В.Г. Лидина]. – Москва: б. и., 1959. – 30 ил.
10. Козырева Н. Татьяна Маврина // Татьяна Маврина: [альбом] / Гос. Русский музей; [сост. Н. Козырева, Т. Кукла, О. Гаврилюк]. – Санкт-Петербург, 2005. – С. 3–5.
11. Костин В.И. Татьяна Алексеевна Маврина; [автор предисловия Е.Я. Дорош]. – Москва: Советский художник, 1966. – 179 с.
12. Маврина Т.А. Цвет ликующий: Дневники. Этюды об искусстве / Сост. и предисл. А.Ю. Чудецкой, А.Г. Шелудченко. – М.: Молодая гвардия, 2006. – 364 с.: ил. (Б-ка мемуаров: Близкое прошлое; Вып. 22).
13. Рогов А. Уроки Мавриной. – Москва, 1973. – № 3. – С. 187–190: 1 портр., табл.
14. Чудецкая А.Ю. Мир гармонии и повседневности // Татьяна Маврина. Мгновение, остановленное цветом: Графика. Живопись: [альбом / автор-составитель А.Ю. Чудецкая; вступительное слово Н.А. Дмитриева]. – Москва: Интербук-бизнес, 1997. – С. 7–10.
15. Шелудченко А.Г. Москва в творчестве Татьяны Мавриной. – М.: АНО ИЦ «Москвоведение»; ОАО «Московские учебники», 2006. – 304 с.: ил.

References:

1. Gankina E.Z. Hudozhnik v sovremennoj detskoj knige: ocherki. – Moskva: Sovetskij hudozhnik, 1977. – S. 128, 184, 258, 262, 263.

2. Gorodetskaja zhivopis': [al'bom] / [tekst, podbor il., maket i oformlenie T.A. Mavrinoj]. – Leningrad: Avrora, 1970. – 139 s.: il.
3. Grabar' I.'E. Vmesto predislovija // Mavrina T.A. Zagorsk / Ris. i akvareli [i otrivki iz dnevnika. 1944–1965 gg.] T.A. Mavrinoj. – Leningrad: Hudozhnik RSFSR, 1968. – S. 5–6.
4. Dmitrieva N.A. Iskusstvo Tat'jany Mavrinoj // Dekorativnoe iskusstvo SSSR. – 1973. – № 7. – S. 39–41.
5. Dmitrieva N.A. Tat'jana Mavrina // Tat'jana Mavrina. Grafika. Zhivopis'. – M.: Iskusstvo, 1981. – S. 5–18.
6. Dmitrieva N.A. Tat'jana Mavrina: grafika, zhivopis': [al'bom]. – Moskva: Sovetskij hudozhnik, 1981. – 126: il. – (Mastera sovetskogo iskusstva).
7. Dmitrieva N.A. Slovo o Mavrinoj // Tat'jana Mavrina. Mgnovenie, ostanovlennoe tsvetom: Grafika. Zhivopis': [al'bom / avtor-sostavitel' A.Ju. Chudetskaja; vstupitel'noe slovo N.A. Dmitrieva]. – Moskva: Interbuk-business, 1997. – S. 5–6.
8. Eremina I. Hudozhnik – ulybka // Bibliopole. – 2013. – № 2. – S. 74–79: il.
9. Katalog vystavki zhivopisi i grafiki T.A. Mavrinoj / Sojuz hudozhnikov SSSR, Orgkomitet Sojuza hudozhnikov RSFSR, Moskovskoe otdelenie Sojuza hudozhnikov; [vst. st. I.'E. Grabarja, V.G. Lidina]. – Moskva: b. i., 1959. – 30 il.
10. Kozyreva N. Tat'jana Mavrina // Tat'jana Mavrina: [al'bom] / Gos. Russkij muzej; [sost. N. Kozyreva, T. Kukla, O. Gavriljuk]. – Sankt-Peterburg, 2005. – S. 3–5.
11. Kostin V.I. Tat'jana Alekseevna Mavrina; [avtor predislovija E.Ja. Dorosh]. – Moskva: Sovetskij hudozhnik, 1966. – 179 s.
12. Mavrina T.A. Tsvet likujuschij: Dnevnik. `Etjudy ob iskusstve / Sost. i predisl. A.Ju. Chudetskoj, A.G. Sheludchenko. – M.: Molodaja gvardija, 2006. – 364s.: il. (B-ka memuarov: Blizkoe proshloe; Vyp. 22).
13. Rogov A. Uroki Mavrinoj. – Moskva. – 1973. – № 3. – S. 187–190: 1 portr., tabl.
14. Chudetskaja A.Ju. Mir garmonii i povsednevnosti // Tat'jana Mavrina. Mgnovenie, ostanovlennoe tsvetom: Grafika. Zhivopis': [al'bom / avtor-sostavitel' A.Ju. Chudetskaja; vstupitel'noe slovo N.A. Dmitrieva]. – Moskva: Interbuk-business, 1997. – S. 7–10.
15. Sheludchenko A.G. Moskva v tvorcestve Tat'jany Mavrinoj. – M.: ANO ITs «Moskvovedenie»; OAO «Moskovskie uchebniki», 2006. – 304 s.: il.